

Игорь Гринберг: Шелехов – мой родной дом

Есть люди, которым больше всех надо. Они не могут без работы. Мимо них не проходит ни одно значительное событие. Для них важно, что происходит в мире, стране и родном городе, они стараются на это влиять. Эти люди сами выстраивают свою судьбу и меняют жизнь вокруг себя.

Такой человек – генеральный директор Иркутского алюминиевого завода, председатель совета директоров ОАО «СУАЛ» Игорь Гринберг.

– Игорь Самсонович, вы хорошо знаете историю своей семьи?

– История моей семьи (по крайней мере, для меня) определена 37-м годом. Отец родом из Луцка, в 37-м его посадили. Маму вызывали к следователю, предлагали отказаться от отца, не принимали на службу, потому что она была женой врага народа. Потом вместе с братом мы разыскивали материалы отцовского дела, почему-то в Курске. В них говорилось, что папа не достаточно рьяно поддерживал стахановское движение. В 53-м году его полностью реабилитировали, я до сих пор храню эту справку Верховного суда.

Вообще-то тема репрессий в нашей семье никогда не обсуждалась. Окончив школу, я как-то спросил отца: «Как ты можешь хорошо говорить о Сталине, если сам пострадал от репрессий?» Он резко осек: «Не тебе судить!» Я понимаю, что это всю жизнь сидело у него внутри – боль не столько за себя, сколько за детей.

Собственно с моих родителей и начинается наша семейная история. Мама – коренная ленинградка. Не только я, но и все мои друзья помнят ее очень заботливой, доброжелательной женщиной. В нашем доме всегда было много людей, кто-то оставался ночевать, кого-то мама кормила, кому-то пришивала пуговицу. О родителях родителей мы ничего не знаем. Ну зато у моих внуков с бабушками-дедушками все в порядке.

– Вы родились в 1945 году, и детство пришлось на первые послевоенные годы. Каким вы его помните?

– Воспоминания о детстве всегда идеализированы. Я родился в Дальлаге, в Комсомольске. Оттуда меня увезли в младенческом возрасте, поэтому то время я знаю только по воспоминаниям родителей. Мы жили в палатке, даже зимой. Мама рассказывала, как по утрам отливала примерзшие к матрацам волосы сыновей горячей водой. Или как дети упрашивали ее отрезать целую горбушку хлеба, чтобы наестся.

Но в основном мое детство прошло в Тайшете, в Озерлаге, куда, уже будучи расконвоированным, отец привез семью. Один из самых ярких моментов – это когда мне подарили аккордеон. К музыке в нашей семье отношение особое. На мандолине играли все поголовно. Папа хорошо играл на скрипке и на фортепьяно. Старший брат – на гитаре. Средний – на кларнете и на саксофоне. Сестра тоже училась в музыкальной школе по классу скрипки. Мы выходили на улицу и устраивали импровизированные выступления.

Я и сейчас иногда беру в руки аккордеон, хотя пальцы уже не так проворны. Но играть люблю и пою с удовольствием.

– С какого года жизнь вашей семьи связана с Шелеховом?

– Мы переехали сюда в 1961 году. Папа работал в «Иркутскалюминстрое», который возводил завод. В 62-м году здесь был получен первый металл. А в 64-м я с серебряной медалью закончил одиннадцать классов и ушел в армию. Служил на Дальнем Востоке, в авиации стратегического назначения. После армии была возможность попасть в Бауманский институт. Но в это время у меня умер папа, мама осталась одна. Несмотря на уговоры начальства, я не смог себя переломить и вернулся в Шелехов. Хотя военная жизнь мне нравилась.

– А ваш сын служил в армии?

– Да. Его призвали по спецнабору со второго курса политехнического института. Причем он должен был служить в Чите, а военком вроде бы по дружбе решил оставить его недалеко от дома, в Чистых Ключах. Я

сказал: «Нет. Если уж служить, то служить как положено».

– Чем вы занялись после того, как демобилизовались?

– Поступил в политех на металлургический факультет, на заочное отделение. Работал анодчиком на Иркутском алюминиевом заводе. Учеба всегда давалась мне легко. Отдельные мои работы висели на стенде в качестве образцовых. Поэтому когда через два года я пришел в институт за документами, меня не поняли. Но решение переводиться в нархоз уже было принято, а если я что-то решил, то препятствовать мне в этом бесполезно. В общем, стал я инженером-экономистом.

– Отсутствие специального образования не препятствовало вашему продвижению по службе?

– Тогда ведь за всем этим внимательно следили партийные органы. Как только я получил диплом, меня выдвинули на должность освобожденного секретаря парторганизации электролизного цеха. К тому времени я уже исполнял обязанности мастера, проводил партийную учебу, занимался самодеятельностью и спортом. Хочу сказать, что партячейки приносили тогда реальную пользу. На самые сложные участки они направляли своих самых ответственных людей. Меня часто посылали в отстающие звенья. Только наладишь работу, мобилизуешь коллектив, как приходится переходить на новое место и начинать все с начала.

– Как вы думаете, минуя эту ступеньку, смогли бы вы подняться по служебной лестнице до должности генерального директора?

– Партийная служба дала большущий опыт работы с людьми. Для директора ведь знаний экономики и производства недостаточно, приходится постоянно контактировать с массой народа. Думаю, что именно благодаря партийной работе я могу сказать, что разбираюсь в людях.

– Когда вы вышли из коммунистической партии?

– У меня и билет, и учетная карточка, заполненные каллиграфическим подчерком моей тещи, работавшей тогда в горкоме КПСС, до сих пор лежат дома.

– Кто самый близкий для вас человек?

– Моя жена. Она – удивительная личность. Во многих вопросах намного мудрее меня. Человек разносторонних интересов, начитанный, грамотный, эстетичный. Она работала на ИркАЗе, в отделе кадров. И оказалась первым сотрудником, которого я уволил с завода. Я сделал это, потому что знал – на заводе будет реорганизация и придется сокращать людей.

Наташа относится к категории людей, которые всегда найдут себе занятие. У нее широкий круг друзей. Она с удовольствием общается с иркутскими художниками. Многим помогает.

– Игорь Самсонович, работа и общественная деятельность не сделала из вас воскресного папу?

– Нет. Я много времени проводил с детьми. Не чурался стирать пеленки. Ходил с ними на лыжах, поставил на коньки, мы всегда чем-то занимались, что-то мастерили. У нас и сейчас хорошие дружеские отношения.

– В силу своего авторитета и возможностей вы влияли на выбор ими жизненного пути?

– У нас дома всегда собирались металлурги, разговоры велись о заводе, и само собой получилось, что Андрюшка после школы поступил в политехнический институт, а практику проходил на ИркАЗе, работал в бригаде. Однажды Андрей обжегся на работе. На заводе – это ЧП, несчастный случай. Наташа втайне от меня его лечила, перевязывала, а он не сачковал, ходил на работу, только чтобы я не узнал.

Танюшка поступила в иняз, отучилась два курса. Потом я предложил им пожить в Нью-Йорке, где они совершенствовали язык. Через год Андрей поступил в школу бизнеса в Вашингтоне. А Танюшка удивила нас тем, что сама, без всяких рекомендательных писем, прошла в высшую школу дизайна Parson`s. Потом еще два года отучилась в аспирантуре, получила диплом и сейчас занимается своим любимым делом.

Андрей работает в московском офисе СУАЛа заместителем начальника производственного департамента. Не потому, что он мой сын, а потому, что действительно хороший специалист. Конечно, как отец я ими доволен.

– Игорь Самсонович, а как вы стали генеральным директором ИркАЗа?

– Примерно за полтора года до этого случилась такая история. Почему-то на ИркАЗе оплата труда была

меньше, чем на других алюминиевых заводах. Я тогда работал начальником электролизного цеха и пришел к директору выяснять этот вопрос. «Ну, раз ты такой умный, – сказал директор, – поезжай в министерство». Я собрал группу людей, неделю мы ходили по московским кабинетам и добились повышения зарплаты. Вероятно, это сыграло свою роль. Да и цех наш работал с самыми лучшими на заводе показателями.

Однако вечером перед собранием, на котором должны были выбирать директора, на завод приехал представитель министерства, вызвал меня и говорит: «Вы снимаете свою кандидатуру, а мы будем рекомендовать вас на должность замгенерального по производству». Я отвечаю: «Со мной же люди здороваться перестанут!» – и отказался. А тогда избранные директора заводов должны были еще утверждаться министерством. Меня прогнали по двенадцати заместителям министра, правда, все дали положительное заключение. И коллегии меня представлял сам министр.

– Вам знакомо чувство неловкости перед соседями, знакомыми, друзьями юности за то, что когда-то вы вместе стояли у электролизера, а теперь занимаете руководящий пост в одной из крупнейших мировых компаний?

– Мне стыдиться нечего. Все видели, как я рос, всего добился своим трудом и умом, никто меня не тянул. Со многими старыми знакомыми у меня сохранились добрые отношения. Многие вхожи в мой дом. Хотя есть и такие, кто меня предал. Но об этих эпизодах я стараюсь не вспоминать.

– Приватизация завода проходила уже во время вашего директорства?

– Да. Это были самые тяжелые годы. Государство сняло с себя все обязательства по обеспечению производственной деятельности заводов. Мы столкнулись с колоссальными проблемами нехватки сырья, сбыта продукции. Я днем и ночью думал об одном: не дай бог остановить завод.

– В ходе приватизации многие предприятия оказались вовлечены в криминальные разборки, в кровавый передел...

– На нашем заводе этого не было. Мы вели себя очень четко и осмотрительно. Несмотря на сложное финансовое положение, я принял решение обучить двадцать своих специалистов рыночным отношениям в британском центре Sunridge Park. Сейчас почти все они занимают руководящие должности на заводе.

Приватизацию проводили здесь, в Иркутске, а не в Москве, где покупателем акций мог стать кто угодно. У ИркАЗа к этому моменту уже был партнер, проверенный временем. Группа «Ренова» арендовала у нас простаивающие мощности и обеспечивала завод глиноземом. Сейчас можно говорить о том, дорого или дешево был приватизирован завод, но надо понимать, что тогда просто не было структур, способных заплатить за него очень большие деньги.

Средства от приватизации были вложены в производство. И сегодня завод имеет такие показатели, о которых мы даже не могли мечтать. Ничего не строя дополнительно, исключительно за счет улучшения технологии и модернизации оборудования Иркутский алюминиевый выпускает 286 тысяч тонн продукции в год, тогда как проектом предусмотрено всего 246,5 тысячи.

– Бывали моменты, когда вам было по-настоящему страшно?

– Криминальные группы, конечно, проявляли интерес к заводу. У меня перебивало много народу с массой сомнительных предложений. Нам открыто угрожали. За себя я как-то не боялся. Но семью одно время пришлось охранять. Им даже запрещалось выходить из дома. Тогда же мы создали группу безопасности.

– Какова ваша личная роль в создании Сибирско-Уральской алюминиевой компании?

– Роль одного из инициаторов этого события. Это первое в стране объединение двух крупных предприятий в разных регионах в одну компанию. Идея объединения Иркутского и Уральского заводов возникла в Группе «Ренова». А потом мы вместе доказывали ее состоятельность тогдашнему вице-премьеру Сосковцу, губернаторам Ножикову и Росселю.

Ключевыми вопросами для губернаторов было: где будет зарегистрирована компания и кто будет председателем совета директоров. Чтобы не обидеть ни одну из сторон, нами было подписано соглашение, где и в каком объеме СУАЛ будет платить налоги. Решено было компанию зарегистрировать в Свердловской области, а председателем совета директоров избрать иркутянина Гринберга.

– Сибирско-Уральская алюминиевая компания заявила о своем намерении в ближайшие годы вдвое увеличить производство алюминия. Как в эти планы вписывается ИркАЗ?

– Да, в СУАЛе принято решение почти на миллион тонн в год поднять выпуск алюминия. Сейчас компания ищет площадку под размещение нового производства. Кроме того, на Иркутском алюминиевом заводе начинается строительство пятой серии. Это очень крупный проект стоимостью более 400 миллионов долларов. Ничего подобного наша область в последние тридцать лет не видела. После того как серия выйдет на проектную мощность (по плану это произойдет в 2008 году), мы будем дополнительно выпускать 166 тысяч тонн алюминия в год. Этот проект мы называем «ИркАЗ-II», потому что по объемам выпускаемой продукции пятая серия будет соответствовать мощности среднего алюминиевого завода.

На ней будет применена совершенно новая, и что важно, отечественная технология с обожженными анодами. Сейчас на Уральском алюминиевом заводе в рамках эксперимента работают шесть электролизеров силой тока в 300 килоампер, разработанные иркутским институтом СибВАМИ. Новые электролизеры намного более экономичны, производительны и безопасны с точки зрения экологии. На отечественном рынке мы будем первыми, кто применил эту технологию с использованием электролизеров такой силы тока.

– Вас называют хозяином города. Вы себя таковым считаете?

– Как руководитель градообразующего предприятия, я, естественно, влияю на ситуацию в городе и районе. Во-первых, потому что ИркАЗ – самый крупный налогоплательщик, во-вторых – потому что под нашим патронажем здесь решаются многие социальные проблемы. Несколько лет назад мы создали в Шелехове попечительский совет учреждений образования. В работу совета включены почти все предприятия, в том числе малые и средние, и сейчас ситуация в шелеховской системе образования значительно лучше, чем в других территориях.

На днях в Шелехове состоялось очередное заседание Координационного совета по социальному партнерству. Руководители предприятий СУАЛа и мэры территорий присутствия компании обсуждали реформу местного самоуправления. Предвидя большие сложности с реализацией реформы, мы создали в Шелехове общественный совет, в который входят работники медицины, образования, ЖКХ. С участием специалистов и экспертов мы пытаемся выработать решения, которые помогут нам удержать ситуацию под контролем.

Конечно, шелеховчане прислушиваются к моему мнению, мне здесь доверяют. Но все-таки хозяин города – это мэр. Я стараюсь никогда не подменять местную власть. Помощь оказываю, но в оперативную работу не вторгаюсь.

– Игорь Самсонович, вы много лет занимаетесь политикой, являетесь депутатом Законодательного собрания, сыграли заметную роль в серьезных политических событиях, в частности в выборах губернатором Бориса Говорина, в инициировании отставки председателя ЗС Виктора Боровского, в выборах спикером Сергея Шишкина. Вас часто упоминают в числе вероятных претендентов на высшие посты региональной власти...

– У каждого свой круг интересов. Я всегда был активным, деятельным человеком. Вскоре после армии уже входил в областной Совет народных депутатов. И сейчас, достигнув определенного положения в обществе и понимая, что могу вмешаться в некоторые ситуации, я, по крайней мере, пытаюсь донести до людей, принимающих решения, свое видение проблемы. Если мое мнение оказалось полезным – дай бог. Если меня не услышали, буду продолжать доказывать свою точку зрения.

А по поводу высоких постов – лет пятнадцать назад я, возможно, серьезно подумал бы на эту тему. Но не сейчас. Я всю жизнь занимался цветной металлургией, хорошо знаю и понимаю этот бизнес и комфортно чувствую себя в нем.

– Игорь Самсонович, вас считали одним из основных кандидатов на должность секретаря политсовета Иркутского регионального отделения «Единой России». Однако вы не участвовали в этих выборах. Вас не смущает, что это было расценено как снижение вашего политического веса?

– Я считаю, было бы совершенно неправильно, если бы региональное отделение партии возглавил представитель одной из финансово-промышленных групп. Если из-за этого снижается мой политический рейтинг – ну что ж. Я всегда открыто высказывал свое мнение по всем вопросам. Может быть, мне это вредит. Но люди знают, что Гринберг – человек самостоятельный, он всегда поступает в соответствии со своими собственными убеждениями.

– Игорь Самсонович, в этом году вам исполняется шестьдесят. Вы не думали над тем, что пора отойти от дел?

– Не могу сказать, когда это произойдет, но как только я почувствую, что не успеваю за ритмом жизни, сразу уйду, не буду ждать, когда меня попросят. У меня была мечта построить пятую серию, сегодня можно говорить, что она близка к осуществлению. Новая цель – на базе этой серии реконструировать завод. Не знаю, успею ли я это сделать. Но приложу все усилия к тому, чтобы эта мечта осуществилась.

– Вы когда-нибудь уедете из Шелехова?

– Нет. В этом вопросе я уже определился. Специально построил здесь дом, красивый, уютный, в котором мне нравится жить.

Беседовала Татьяна Луканкина, "Иркутская Губерния"

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 10105 10.08.2005, 13:17 📄 654
URL: <https://babr24.com/?ADE=23429> Bytes: 16795 / 16619 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)